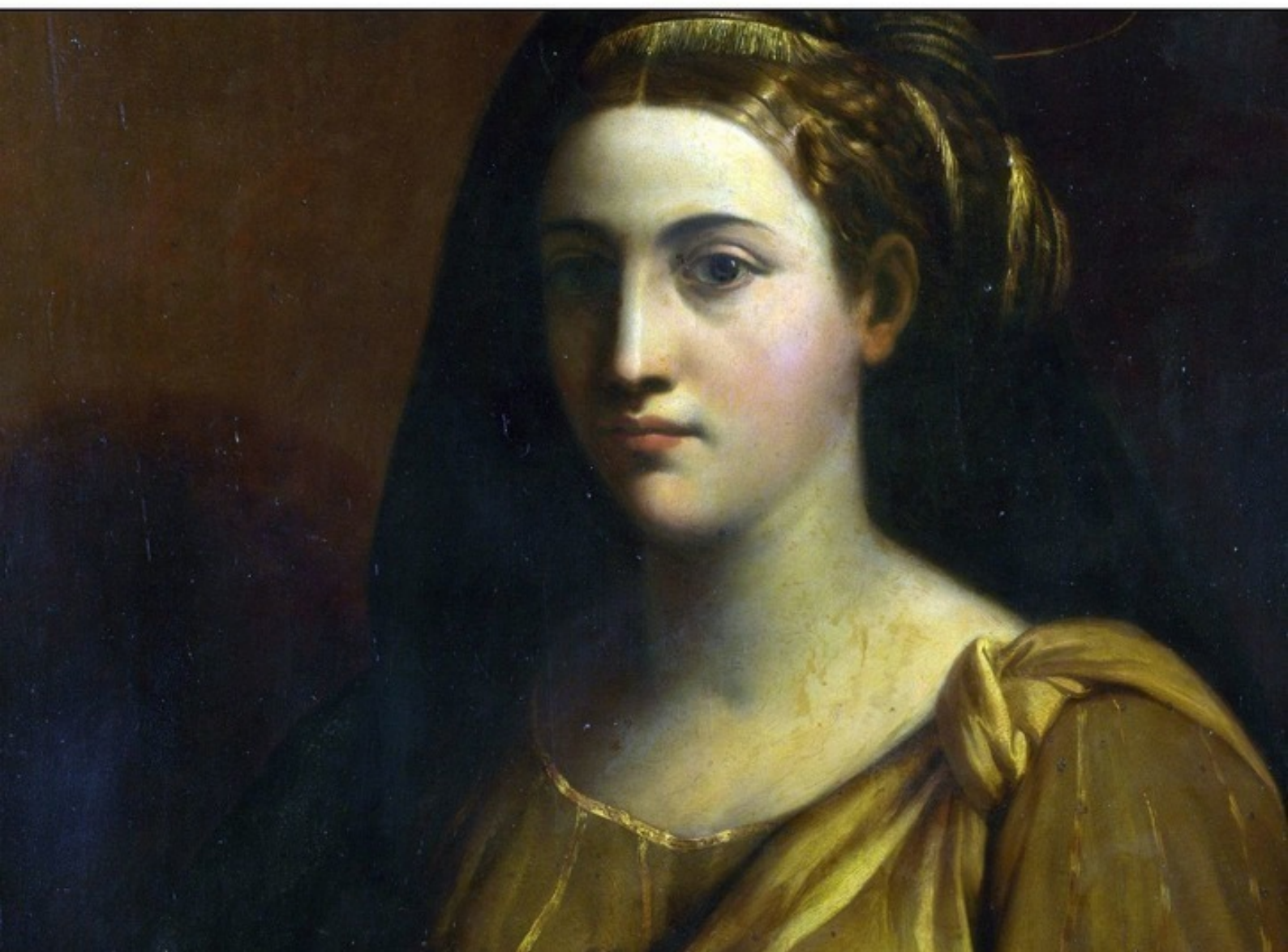

Сергий Чернец

Бывальщина

сборник рассказов

Сергий Чернец

Бывальщина. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Чернец С.

Бывальщина. Сборник рассказов / С. Чернец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938663-2

Эта книжка про то, что бывает, но не все замечают и не все придают значение. Простой текст и легко понимание истин бытия, которые автор поясняет.

ISBN 978-5-44-938663-2

© Чернец С.
© Издательские решения

Содержание

«Бывальщина» сборник рассказов	6
Дашенька – лесничий	6
Глазами охотника, лесные картинки	11
Звуки Земли (Природы)	14
Петух клюнул в нос	16
Воспоминания (о рыбалке в детстве)	19
О Природе и не только	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Бывальщина

Сборник рассказов

Сергий Чернец

© Сергий Чернец, 2018

ISBN 978-5-4493-8663-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Бывальщина» сборник рассказов

Дашенька – лесничий

Над лесом за рекой, за широким затоном уже садилось солнце. Небо на горизонте словно застывший окрашивалось в алый цвет. Само солнце было скрыто за темными облаками, поднимающимися из-за леса. И было так тихо, как редко бывает тихо в природе: не слышно щебета птиц, не слышно стрёкота кузнечиков в прибережной траве. Небо темнело от надвигающихся с запада туч над головой, только сзади, с восточной стороны светло-голубой сумеречный свет озарял тихий затон и быструю речку, несущую воды свои между крутых песчаных берегов.

У затона, на пологом спуске к нему, на старом толстом бревне сидела грустная женщина с накинутым на плечи платком, прикрывающим от холодка вечерней реки. Расслабившись, опустив руки между колен, Дашенька, как называл её муж, смотрела на водную гладь успокоено, без всяких особенных мыслей, отдыхая телом, но всё ещё ощущая внезапное чувство тоски и какой-то никогда прежде не испытываемой беспомощности, неудовлетворённости своей жизнью.

Она родилась и выросла в этом лесном краю и прожила здесь всю свою жизнь вдалеке от большой цивилизации. О родном лесном крае им рассказывали ещё в школе, был такой предмет в начальной школе: «история родного края». А также из рассказов бабушки и других пожилых людей в их деревне, многое было известно, чего уже не знает нынешнее поколение детей.

Когда-то, при царе, богатые купцы строили тут свои усадьбы, а вокруг них строились большие посёлки, около мелких речек, впадающих в затон на большой и быстрой реке. «Испокон века», как говорится, тут сплавливали лес. К затону свозились стройные ровные брёвна сосен и кедров. (Кедры вырубил совсем. Теперь леспромхоз пытается возродить посадками бывший лес-кедрач, который рос при купцах). И говорят, лес сплавливали не весь, а часть леса пилили тут же на месте, в большом поселке, что стоял за теперешними оврагами, и оврагов тогда не было. А были пилорамы, были цеха со станками по деревообработке. Рабочих было много и жили они в барачных посёлках, – они производили доски, изготавливали мебель – это были целые «заводы» деревообрабатывающие. Посёлок так и назывался «Заводы». И недалеко от затона были несколько деревень сплавщиков леса. (На их месте теперь вырос березняк, где среди овражков и ям еще видны были до сих пор места от срубов домов, а на полянках среди берёз встречались яблоньки одичавшие и было много земляники и грибов-груздей). Край лесной, пока было много леса, развивался. В посёлках и больших деревнях купцы и бояре, и помещики строили и больницы, и школы для рабочих церковноприходские, и театры для себя и разные увеселительные заведения – пивнушки для простого люда, рестораны для себя. Были и дороги широкие грунтовые, на месте которых теперь просеки в смешанном лесу.

Но потом случилась революция, которая всё смела: «Мы весь, мы старый мир разрушим, до основания, а затем - ...». Рабочие и крестьяне сожгли купеческие усадьбы, а вместе с ними и пилорамы и целые деревни. Сегодня они только в воспоминаниях стариков, доживающих свой век в немногих оставшихся деревнях. На месте «Заводов» колхоз распахал землю и давно, более 70 лет, сажает овес, люцерну для корма скоту, турнепс. После войны колхозы стали возрождать деревню, строили фермы в каждой деревне, разводили коней для перевозки урожая. Но дело продвигалось с трудом, людей в деревнях уже не оставалось. Возродилось потихоньку и лесное дело. Лес начали пилить и сплав работать стал понемногу. Близкие деревни работали на лесосплаве или на заготовке леса. Там на реке многие мужики погибали, прыгая по мокрым брёвнам формируя плоты, поэтому женщин в деревнях, молодых вдов, было всегда больше.

Но если раньше лес «гнали» по весенней большой воде «молевым способом» – плоты были только впереди и сзади, то последнее время такой сплав стал невозможен: брёвна тонули, топляки заносило песком, и река обмелела. Из большой реки она превратилась в быструю мелку речку, которая всякий год меняет своё русло. Теперь о сплаве только остались вокруг затона большие бревна от штабелей леса, которые догнивают на берегу. Лес стали возить на машинах. И с прекращением сплава опустели и деревни – народ разъехался. В колхозе никто не хотел работать, – не умел, был непривычен к работе на земле.

Небольшое возрождение началось в связи с укрупнением колхозов в 1970-е годы. Построен был посёлок с трехэтажными домами – центральная усадьба. Там же был построен крупный «комплекс КРС», большая ферма на 500 голов. Жителей из мелких деревень перевозили в дома со всеми условиями: отопление, канализация. Колхоз начал работать в два раза больше получая прибыль от ведения хозяйства на хозрасчете!

И вновь случилась «революция» – перестройка, потом «развал большой страны», кризис. Колхоз пришел в упадок, технику куда-то распродали. ООО – агропром, которое образовалось вместо колхоза стало жить одним днем, при частой смене руководства. Один руководитель – продал коров и закрыл комплекс КРС, другой уничтожил свинокомплекс. Что говорить – когда провода со столбов, идущих по лесу, сняли-украли и продали. Деревни стояли без света, пока не купили дизельные электростанции на солярке. Освещения в деревнях не стало. Поэтому деревни оказались покинутыми – люди разъехали по городам и большим поселкам.

(Вывод). Так было с родным краем Дашеньки: два раза в лесной край проникала цивилизация, два раза край развивался – наполнялся людьми....

Часть 2.

Судьба Дашеньки очень похоже складывалась. Отец её был заядлый охотник, работал он и на сплаве, там же работала и Даша. Она с детства никого и ничего не боялась, ни дикого зверя, ни змей – весной сбивающихся в густой траве в клубок. Стреляла она из ружья не хуже любого охотника, ходила с мужиками и на волков в облаву) и на медведя (когда шатун, не легший в спячку, бродил по округе задирая собак деревенских). А на сплавах, по молодости, по брёвнам скакала без страха, тонула не раз и выплывала без крика помощи.

А вот тогда, при смерти брата, при виде скрюченного, заметённого снегом тела, ей впервые стало страшно. Смерть старых родителей была естественной и понятной, здесь же смерть свалила здорового парня, не вкушившего ещё настоящей жизни, неженатого, 25-ти лет, родную кровиночку. И Даша никак не могла в душе смириться с такой несправедливостью. Она долго приходила в себя, пока снова не обрела прежнюю веру в жизнь, в собственные силы, благодаря, быть может, больше всего мужу.

Иван появился на её жизненном пути, как пришелец из другого, неизвестного ей мира, о котором она знала лишь понаслышке из рассказов приезжих, из книг да из школьных уроков географии. Она была в городе только один раз с родителями, её брали с собой ещё маленькой девочкой, и город ей сразу не понравился. Вместо легкого шума леса, в городе лязг и грохот моторов дымящих машин. Отец ездил тогда в управление лесного хозяйства, он окончательно переходил на работу лесником, даже главным лесничим района.

Колхозы в то время укрупняли, строили большие поселки городского типа, мелкие деревеньки собирали в одну центральную усадьбу. Возник посёлок и в их районе недалеко от реки. И там же был построен комплекс КРС на 500 голов. Именно тогда семья Даши осталась в лесу и окончательно переехала на заимку, на территорию Лесопитомника. Даша ходила в посёлок одна по выходным за 5 километров, в клуб, к подругам дояркам, у которых оставалась ночевать.

И тут приехал видный парень из города, спортивного телосложения, на зависть всем девчонкам, механик новой колхозной МТС. Он и в лесопитомник приезжал с рабочими ремонтировать технику – трактора и машины-приспособления для посадки рассады сосен и кедров.

Ко всему прочему, что он был футболист колхозной футбольной команды, Иван оказался весельчаком, песенником, заводилой на праздниках – играл на гитаре и на гармошке мог, так что все местные колхозные парни для девчат отошли на задний план, девчонки «вились» вокруг Ивана. Наверняка ему пришлось бы плохо от этих «лесных» парней, если бы он и с ними не нашёл общего языка. Но был Иван не только умелым мастером по ремонту техники (кому мотоцикл починить...), но и от стакана местного самогона в компании не отказывался, умел он поддерживать разговор шуточками да прибауточками. Ну, а если говорить прямо, как думала Даша, – то побаивались деревенские парни спортивного парня. Он в футбол играл за колхозную команду сразу в нападении, их колхоз Коммунар, часто выигрывал на районных соревнованиях за счёт забитых Иваном голов.

Только Пашка Коновалов заметил, что Иван начал приударять за Дашенькой, не выдержал и предложил померяться силами. Это было во время праздника в клубе – и Даша всё видела, краем уха слышала, по губам поняла их разговор. Здесь, у сплавщиков и работников леса свои негласные законы ходили. За девку, если она двоим полюбилась, парни дрались, как лесные лоси в весеннюю пору, и слабый вынужден был отступить, не тая никакой обиды и злости на победителя (по законам природы жили в лесном краю). Даша догадывалась, что рано или поздно, сойдутся из-за неё Пашка и Иван. С Пашкой она дружила давно, но их дружба была детской, подростковой, что даже до поцелуев не доходило, с поцелуями в деревне тоже было строго. Как она догадывалась – так и произошло, таковы неписанные законы лесного края, – Пашка перестал ждать её в переулке за клубом, чтобы длинной окольной дорогой проводить до дома подружки в посёлке, как было раньше. Зато от «победившего» со дня на день родители встречали сватов.

Ей, семнадцатилетней девчонке, нравились оба юноши, и сама она не могла сказать твёрдо, кого же она любила больше, и к кому лежало сердце.

Пашка был строговат, и не очень-то разговорчив, зато хозяйственный, как все деревенские, работающий, дружбу водил не с кем попало из своих сверстников, – и за его спиной всю жизнь можно было прожить припеваючи.

Иван же – был полной противоположностью: весёлый, беззаботный, о завтрашнем не думал; и все у него были друзья-товарищи в посёлке, раскинутом по берегу речки Малой, притоке большой реки. Иван был общительный, компанейский, в каждом доме он был желанный гость – и на гармони сыграть на праздник или день рождения, хотя своей избы он не имел и неизвестно будет ли иметь. Отец Дашеньки говорил про Ивана так: «С ним хорошо самогон пить да песни петь, а по правде – слишком прост мужик, жилы в нём мужицкой стоящей нету, из трухлявой верёвки жилы его...»

А в тот день, вспоминала Дашенька, в «схватке двух самцов» победил Иван. Пашка вернулся в клуб с мрачным видом и не подошел к ней, а стал с другими парнями в сторонке. Зато Иван под очередную музыку из магнитофона вывел её в круг танцплощадки с какой-то особой. Не свойственной ему прежде гордостью. И провожать Дашеньку пошёл Иван и говорил ласковые и нежные слова, называл зоренькой и шёл медленно, продлевая минуты приближающего расставания. Но не обнимался, как это позволял себе Пашка, и не пытался даже, – он был «галантно-городского воспитания» и было это особенно приятно Дашеньке.

Много позже, через год почти после свадьбы, подвыпивший Иван рассказал ей о «драке», к слову как-то пришлось: «Особой-то драки между нами, можно сказать, и не было. Я ему, дураку, говорю: ну, что мы, Пашка, звери что ли? Да и Дашенька человек, а не самка, извини, лесная... Давай, говорю, её спросим, – кого она больше любит, а то, может, ни один из нас

ей не по душе, – зря мы тогда это самое... Она и с другими парнями дружит, танцевала, я видел, пока тебя не было, в вальсе. А он мне: «бей», говорит. А мне смешно – с чего вдруг я его бить буду? Я специально драться не приучен, не боксёр, а тут вроде бы надо, ни с того ни с сего, взять и ударить человека. Ну, смех да и только... а он твердит: «бей!». И я говорю тогда: «бей сам, если на то пошло». И дальше «упрашивать» Пашку уже не надо было, очень злой был на меня из-за тебя. Кулаки у него, сама знаешь, покрепче моих, поувесистее, да и ростом он чуть повыше и в плечах пошире. Только не рассчитал он, что я-то поюрчей его, – и от первого же удара ловко увернулся. Пашка от этого ещё больше обозлился, тараном на меня пошёл, и в глаза его такой, знаешь ли, нехороший огонёк загорелся – взглядом испепелить готов...

«Ах, ты, – думаю, – зараза, – думаю, – ведь тебе сейчас нож в руки дай или железку какую, – убьёшь и сплюнешь только, легко...». Страх был, – скажу тебе, – хотел уж, – мысль была, – «в кусты сигануть», да удержался. «Люди на войне за родину, за любовь к родине до смерти стояли, – так почему, думаю, – за свою любовь, за жизнь свою будущую не постоять!». И вот это самое соображение, – что за любовь постоять надо, – придало мне силы и уверенности.

Пока Пашка, значит, примерялся, соображал, – как и куда меня покрепче садануть – я ему снизу по скуле и врезал со всей силы. Он, видать, этого никак не ожидал, не устоял на ногах и рухнул. Ну, я не стал дожидаться, пока он поднимется и вспомнил приёмы самбо, которые видел в спорте, взял и закрутил ему руку за спину и сел на него. Пашка взвыл от боли вывернутой руки: «лежачего не бьют» – кричит... А я говорю, – «я и не бью, – говорю, – я тебя землю жрать заставляю, чтобы ты, значит, больше на Дашеньку zenки не паялил» – и так далее: не я тебя звал, не я первый начал...

«Отпусти!» – молит Пашка. И чувствую, нет в его голосе прежней злобы, по-хорошему просит. И взял с него слово, что он не будет больше приставать к тебе. И Пашка слово дал: «твоя взяла!» – говорит, только и ты слово дай, что не скажешь никому, что меня с ног сбил одним ударом. А мне что! Хорошо, говорю, не скажу никому...

Так рассказал Иван Даше о своём её «завоевании». Он не знал того, что Пашка слово своё не сдержал. Не раз и не два подстерегал он Дашеньку и до свадьбы её с Иваном, и после, – просил, умолял, чуть не на колени становился, – упрашивал её бросить Ивана. Однажды даже насильничать пытался, только ничего у него не вышло, – Дашенька была сильная, и верность мужу, по неписанному «лесному» закону знала и берегла.

А потом, через годик после свадьбы, Иван задумал уехать и увёз Дашеньку к родителям в город. А жили они на окраине города, где в частном секторе был у них свой дом и огород в четыре сотки за высоким забором. Хоть это-то было привычно для Дашеньки деревенской.

Но жизнь на новом месте не удалась. В чужой семье – чужие порядки. Поначалу, от упреков свёкра и свекрови Дашеньку защищал Иван. Но устроившись на новую работу, в большой гараж механиком-слесарем-авторемонтником он начал выпивать. А запои его длились всё дольше: то на два-три дня, а то на целую неделю: утром уходил с похмелья с «разбитой» головой, а вечером приходил, еле держась на ногах. Их брак разваливался на глазах. О какой интимной близости могла быть речь с пьяным-то, еле двигающимся мужиком. И вся любовь пропала куда-то...

А последний штрих (который запомнился Даше, как разрушитель: «из-за картошки», – так на всю жизнь запомнила она) – была «чистка картофеля». Свекровь чистила тоненькую «шкурку», и заметила, что Дашенька срезает ножом кожуру с картошки толсто. И она со смехом упрекнула её в этом: мол, картошку и то чистить не умеешь! Даша пыталась объяснить: что в деревне держат скотину и картофельные очистки не выбрасывают в мусорное ведро, а варят на корм скотине и поэтому чистят толсто, чтобы скотине было что поесть, – так привыкли все деревенские. А свекровь уже «понесло», – и она, не перенося возражения, да ещё

от девчонки-деревенщины, вспомнила и все остальные «грехи» Дашеньки. Началось: и мусор-то она не убирает или убирает плохо; и полы мочит сильно (Дашенька не жалела воды, у реки выросла); и не умеет в огороде ухаживать за грядками, – рассаду свеклы пропалывая, выполотые пересаживали на новое место, а не выбрасывали – «это тебе не колхозное поле, каждый росточек дорогой в городе и каждый метр земли дорог»...

Этим всё и кончилось, – слезами: Дашенька собрала быстренько чемодан и к вечеру к пяти часам, когда муж придёт с работы, готова была прощаться и уехать. А Иван пришёл пьяный и ещё принял сторону матери и тоже «обвинял» Дашеньку. Она, вся в слезах, выскочила с чемоданом и на автовокзал...

Так, вскоре, на развод бумага пришла от Ивана, – свекровь, никак, подсуежилась. И развели их по-быстрому, – тоже, наверное, стараниями свекрови, которая давно подобрала Ивану невесту новую, как узналось на суде. Эта девушка пришла на суд, Дашенька видела её в доме Ивана – приходила она как хорошая знакомая, соседка, якобы. «Ах, вот в чём причина-то была...» – поняла она. Оказывается, они ещё со школы коротко знакомы, учились в одной школе с Иваном, в параллельных классах.

После этого и Дашенька решила: что же это она, друга детства Пашку бросила ради какого-то «экзотического» городского незнакомца, – дура дурой! Она извинилась перед Пашей, и их дружба возобновилась и переросла в любовь. Они поженились осенью на праздник урожая. И на свадьбе деревенской гуляли чуть-ли не всем колхозом, были гости из соседних деревень, желая молодым счастья и радости.

Теперь уже старость подкралась незаметно. И остались они вдвоем в своей лесной заимке. Рабочие приходили, как в городе, с восьми утра до пяти-шести вечера, даже летом. А лесником работать никто вообще не хотел.

Ужаснулась она – на кого оставит лес – её заботу?! Что после себя оставит, когда в землю сойдёт? Даже природой предназначенного материнского счастья она не испытала. Прожила жизнь навроде мужика: и охотилась и с браконьерами до рукоприкладства доходило, но с ней физически сильной справиться никто не мог. И муж в этом, Пашка, тоже, конечно, не виноват. Он выстудился, работая на сплаве ранней весной, в холодной воде всякий раз барахтался: с брёвен скользких, поди не упали: падали все. Они в больницу ездили даже когда ребёнка хотели, в город и анализы показали – невозможность детей иметь! Тогда, по девической своей наивности, думала она, что судьба благоволит ей, избавляя от мучений, которые претерпевает женщина при рождении ребёнка. А теперь, кажется, и жизнь отдала бы, чтоб только испытать эти наверняка сладостные муки.

Потянувший из долины реки с затона ветер взрыбил воду, и длинный затон стал похож на огромную рыбу, с крупной чешуёй. И небо затянули тяжёлые облака. Намертво и беспросветно, казалось, затянули – быть дождю.

Конец.

Глазами охотника, лесные картинки

От весны до весны.

Ранней весной по глухим чащобам и заболоченным берегам лесных озёр пробирался охотник в густых лесах.

Много птиц и зверей видел он в пробудившемся от зимней спячки лесу. Видел, как на краю болота токует глухарь, как в молодом осиннике, на припёке пасутся большие лоси, а по оврагу вдоль ручья, пробираясь в своё логово, бежит с добычей серая волчица.

А весна вокруг радостна, шумна и пахуча! Звонко поют птицы, звенят и журчат весёлые ручейки, стекая по склону пригорка к ручью в овраге. Смолой пахнут набухшие почки деревьев. Теплый ветер пробегает в высоких вершинах ровных сосен.

Скоро, скоро оденется лес зелёной листвой, зацветёт на опушках черёмуха, защелкают над речушкой в кустах соловьи. Подадут свои голоса, закукуют длиннохвостые кукушки: «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!». Забегают по кочкам-муравейникам хлопотливые муравьи, вылетит из зимнего убежища, загудит первый шмель. Побегам молодой травы, голубыми и белыми колючиками подснежников покроются лесные полянки...

Хороша, красива, радостна и весела весна в лесу!

А через тёмный лес, через глухие овраги пробирается с добычей серая волчица. Далеко от проезжих дорог и людных селений скрыто волчье логово.

Голодно, бесприютно было волкам в зимнюю стужу. В морозные выюжные ночи скитались они по заснеженным полям и дорогам. Ловили зайчишек, воровали по деревьям зазевавшихся собак... «У-уу! У-уу! У-уу!» – разносилась над полями голодная волчья песня. «У-уу!» – слышался сквозь выюгу жалобный их вой.

Кончилась холодная зима и в весенние тёплые дни родились у волчицы слепые маленькие волчата. Растут «не по дням, а по часам», резвятся бойкие около норы, вырытой в песчаной стене оврага. Много обглоданных костей валяется вокруг их далёкого, скрытого логова. Извилистые тропинки протоптаны к ручью, к водопою. Поздним утром возвратилась волчица с добычей. Взлетели на деревья пугливые рябчики, с полянки перед оврагом, тревожно попискивая, провожают лесного разбойника маленькие синички. Смело бежит волчица по знакомому лесу, хорошо знает дорогу в своё скрытое логово, где «ждут не дождутся» её прожорливые волчата.

Ранней весной родились маленькие зайчата. Ещё лежал в лесу под деревьями глубокий снег, прихватывали по утрам крепкие весенние морозы. И птиц, и зверей держал на снегу плотный наст. Ранних таких зайчат так и называют – «настовиками». Ласково пригревало весеннее солнышко, обрадовались и теплу, высунулись из гнезда, устроенного под кустом, длинноухие зайчата-настовики. Они терпеливо ждали свою мать, чтобы молочка напиться. – А зайчихи-матери и своих и чужих детей кормят. Прибежит к гнезду чужая зайчиха, покормит проголодавшихся зайчат и убежит дальше. Опять останутся одни маленькие зайчата. Хорошо, что спрятались они в сухой прошлогодней листве! Здесь не найдет из разбойница-рысь, не увидит хитрая лисица. Увидела зайчат суетливая птичка. Уселась на ветку, вертится и поёт:

«Вот, вот вижу! Вот, вот слышу!»

Большими, страшными зверями кажутся для этой птички робкие маленькие зайчишки. И всё вертится она над зайчатами, и тоненько поёт: «Вот, вот вижу! Вот, вот слышу!». И зайчата со страхом смотрят на суетливую птичку. А просто её гнездышко в тех же кустах, только с другой стороны.

Тем же утром, в том же глухом лесу, на самом краю болота, токует глухарь. «Тэкэ, тэкэ, – тэк, тэк, тэк!» – раздаётся его весенняя негромкая вначале песня. Спокойно утром в лесу. Далеко слышен каждый звук. Вот, проковылял, шурша листвой, ёжик, от дерева к дереву. Пробежала по краю болота осторожная лисица, неслышно. Спрятался в норе под корягой, под упавшим деревом, быстрый хорёк. И громко затрубили, и защёлкали клювами, встречая солнце на болоте журавли. Тут же сорвался, захлопав крыльями, и стрелою поднялся в небо длинноносый бекас-«баранчик». Будто голос молодого барашка доносится с высоты его далёкий дребезжащий звук. И другой голос: «Качи-качи-качи-качи!» – сидя на кочке, радостно отозвался другой бекас на болоте.

«Тэкэ, тэкэ, – тэк, тэк, тэк! – чаще и громче защёлкал, ещё жарче запел свою песню глухарь. Издалека кажется, что где-то далеко кто-то отбивает точилом косу перед покосом.

Как много может увидеть и услышать внимательный охотник. Посетив естественный глухой далёкий лес, – «охотничьи уголья».

Присел охотник у озера, выйдя из своего «скрадка» на болоте. Солнышко освещало берёзовый лес. Ясный светлый день.

Вот, увидел он, как на полянку из леса вышла рыжая лисичка и присела отдохнуть под старой берёзой. Смотрит и слушает лиса окружающий мир.

Видит она, как пробежал по земле и скрылся в молодом сосняке и тихо просвистел рябчик, а у самого края березняка, перед болотом, бродят по кочкам. Спокойно кормятся краснобровые тетерева. Знает лисица: не поймать ей осторожного рябчика, не подпустят близко осторожные тетерева. – А вот, шевельнулась у гнилого пня сухая травинка, промелькнула в прошлогодней траве и скрылась в глубокой норке робкая лесная мышь. Тут дятел прилетел и уселся долбить ствол старой берёзы. Лисица насторожилась. Слышит несмотря на то, что птичьими голосами наполняется лес, как шуршат под корнями пенька и попискивают мыши в своей норке. Рядом пробирается по сухому «валежнику» из упавших веток, голодный ёжик, выбравшийся из зимнего логова. Лисица подкралась ближе к пеньку и долго сидит тихо – на охоте, ждет мышь. Ушки на макушке у лисицы, все звуки настороже.

Чтобы не мешать лисичке, охотник потихоньку ушел.

По берегу озера, в стороне от болота душистой смолой пахнет сосновый бор. У освещенной солнцем старой сосны резвятся весёлые проказницы белки. Радуются они тёплому солнышку, светлой весне. Они сменили свои зимние серые шубки, – рыжими стали у белок их спинки. Пышными стали хвосты. Всю долгую зиму жили белки в высоких соснах. От ветра и стужи прятались в тёплых гнёздах. Забирались в глубокие дупла деревьев. С ёлки на ёлку, с сосны на сосну бегали по лесу, грызли смоляные шишки.

В голодные годы, когда мало в лесу орехов и шишек, белки пускаются в далёкие и опасные путешествия. Смело переплывают они широкие для них реки, перебегают открытые поля, забегают в селения и города. Это было на памяти охотника – он видел такое «великое переселение» белок однажды.

Никому в лесу не делают вреда миролюбивые весёлые белки. С сучка на сучок, с вершинки на вершинку друг за дружкой гоняются они по деревьям, встречая светлую тёплую весну.

Прощаясь с болотом, оглянулся охотник и увидел журавлей.

Каждый год возвращаются они из далёких тёплых стран на родное болото. Над морями и широкой степью, над светлыми большими реками и зелёными лесами летят на свою родину весной журавли.

Высоким камышом и сухой прошлогодней осокой заросшее большое непроходимое болото встречает их дома. В самых недоступных местах устраивают гнёзда сторожкие журавли.

Спокойно им жить на неприступном болоте. Не пройдёт по болоту волк, не проберётся лисица, не подкрадётся осторожная рысь. Водят весной журавли весёлые хороводы и устраивают брачные танцы. Соберутся в кружок между кочек болотных, машут крыльями, подпрыгивают, танцуют... «Курлы, курлы, курлы!» – по всему лесу разносятся их шумные голоса.

Скоро выведутся на болоте длинноногие неуклюжие журавлята. Начнут ловить для них журавли-родители лягушек и змей, приносить в гнёзда корм. Будут расти, учиться летать журавлята...

Шелестит на ветру и качается высокий тростник. Ниже и ниже над лесом спускается солнце и тень падает над болотом, сгущая сумерки.

Охотник идет домой по сумеречному лесу. Вскоре за вершинами скрылось солнце. Прохладно и сыро становится в лесу. Слышно, как дышит, оживает земля. Пахнет весенними почками в воздухе, пахнет пробудившейся от зимы теплой, нагретой за день, землёй (это своеобразный запах лесной земли, и он отличается от запаха полей).

Вот, сам собою шевельнулся на земле прошлогодний мокрый листочек. Под ним показалась из земли зелёная стрелка молодой травы (многие травы растут именно по ночам, как огурцы на огородах, например).

Много звуков в вечернем лесу можно услышать, если идти по нему тихо, прислушиваясь. Ещё продолжают заливаться на деревьях певчие дрозды, провожая солнце. А на вершине высокого дуба громко воркует дикий голубь – «витютень»: «Витютень на ду-у-бе сижу! Витютень на ду-у-бе хожу!» – будто выговаривает он важно перед голубкой, сидящей на соседней толстой ветке.

Глухо турлычут в прозрачных весенних лужах-болотцах, сбоку вдоль дороги, лягушки и жабы. Со свистом крыльев, вытянув шеи, над лесом пролетают дикие утки – на то же озеро с болотом летят.

«Чуфшш! Чувшш!» – вдруг громко чувсиснул и забормотал на полянке краснобровый тетерев-косач, стайка их бродила под дубами.

«Гу-гу-гууу!» – гукнул заяц, и убежал. – и он подал свой голос. А очень похоже тут же отозвалась лесная сова. Бесшумно пролетая на охоту между деревьев.

Страшно ухнул где-то в лесу и захохотал филин, когда сумерки уже сгустились. Взмахивая крыльями, тихо потянули над макушками деревьев уже на опушке леса длинноносые кулики. Над горизонтом, открывшемся в поле затухала малиновая заря. Ниже и ниже спускалась прохладная ночь. Охотник возвращался в деревню.

Конец.

Звуки Земли (Природы)

Когда человек городской приезжает в деревню, мой вам добрый совет – прислушайтесь к звукам Природы.

Прислушайтесь хорошенько, стоя на опушке леса или среди пробудившегося от утреннего солнца цветущего поля, и, если у вас сохранился слух, вы непременно услышите чудесные звуки земли (природы), которую во все времена люди так ласково называли – матерью Землёю.

Особенно весной и вначале лета звуки природы ласкают слух: «Будь это журчание ручейка или нахлёт маленькой речки на береговой песок. Шелест цветущих луговых трав под ветерком или трепетание зелёной листвы на деревьях. Треск кузнечиков у протоптанной луговой тропинки или песня жаворонка в небе над полем. И шум хлебных колосьев, и тихое порхание бабочек и стрекоз» – всё это бесчисленные звуки природы, слышать которые люди городские, оглушенные шумом машин уже отвыкают. – Но тем радостнее такому городскому человеку, ещё не совсем утратившему чувство родной природы – побывать (вернуться) в лесу, на речке, в поле – наедине с природой, набраться душевных сил, которые, быть может, всего нужнее нам, чтобы обрести душевное равновесие и покой душевный.

Для деревенских жителей и для нас, бывалых рыбаков и охотников, звуки природы драгоценны. Перечислить их, пожалуй, невозможно. Они обладают целительной силой. Они замечают нам музыку..., и не из этих ли звуков возникло всё лучшее, что запечатлелось в песнях и в великих музыкальных творениях!

Я с радостью вспоминаю сейчас звуки Природы, некогда пленявшие меня в детстве, и не от тех ли времён (с детства) досталось мне лучшее, что заложено в моей душе?

Вспоминаю лесные, таинственные тогда для меня, звуки, – дыхание пробуждающейся весной земли. И сегодня они волнуют и радуют меня.

В ночной тишине ещё отчетливей слышно дыхание земли – шелест листка над поднимающимся из земли, быстрорастущим свежим грибом (это я увидел и услышал, когда ночевал у костра около речки в лесу). А ещё: трепет ночных легких бабочек, летящих на свет пламени, а под утро крик петуха в ближайшей деревне...

А как хорошо и незабвенно каждое новое утро! Ещё до восхода солнца просыпаются и начинают радостно петь птицы.

В городах утро тихое – люди спят в своих каменных домах, редкая машина прошумит под окнами по пустой улице.

А в лесу, с зарёй, окрасившей красно-оранжевым небо с востока, полнится жизнью пробуждающийся лес, полной грудью начинает дышать природа с первыми лучами солнца. Нет ничего музыкальней, чем наступающее раннее утро. И ещё серебристее звуки журчащей воды в речке, душистее становятся и запахи лесных трав, и аромат их чудесно сливается с музыкальной симфонией утра: пение птиц, их щебет, крики – разбавляет басовитый пролёт шмеля и барабанный стрёкот кузнечиков. Это прекрасно!

Жаворонок.

Из множества звуков природы, самый весёлый и радостный – это песня полевых и луговых жаворонков. Ещё ранней весной, когда на полях лежит рыхлый снег, но уже на пригреве образовались первые тёмные проталины, прилетают и начинают петь ранние весенние гости. Прямо вверх, столбом, поднимается в небо, непрерывно трепеща крылышками, пронизанными солнечным светом, выше и выше взлетает в небо жаворонок и исчезает, становясь невидимым в сияющей голубизне.

Удивительно красива, звонкая песня жаворонка, приветствующего приход весны. Она согласуется с дыханием земли, от которой поднимается прозрачная дымка, — над полем размывающая даль.

Многие великие композиторы в своих музыкальных произведениях старались изобразить эту радостную песнь. Даже неопытные городские люди, живущие далеко от природы, выезжая за город, слышали весёлые песни жаворонков. Только самые глухие из них, оглушенные грохотом машин и современной шумной музыкой, не способны услышать радостные звуки песни весны.

Ещё в детстве своем, деревенском, я любил слушать песни жаворонков. Идешь по тропинке по лугам, любишься цветами, синими васильками. Справа и слева взлетают и с песнями поднимаются в небо жаворонки. Чудесной музыкой наполняется простор. А вокруг добавляют к оркестру свои скрипки кузнечики, на опушке леса воркуют горлицы. Приляжешь спиной на землю, через тонкую ткань рубашки чувствуя материнское её тепло. Глядишь и не наглядишься в высокое небо, откуда доносится пение птиц, видишь перед лицом склонённые стебельки цветов.

С тёплой землёй связана жизнь жаворонков. На цветущих полях, на земле делают они свои гнёзда, выводят и выкармливают птенцов. Жаворонки никогда не садятся на высокие деревья, избегают густых и тёмных лесов. Над широкой степью, над полями и лугами почти всё лето слышны их радостные песни.

В прошлые времена на Руси были весенние праздники, и наши предки пекли в печах из теста слепленных жаворонков. Был такой обряд. Вынимали из печи подрумяненных тестяных жаворонков, и детишки с жаворонками в руках весело выбегали на берега реки смотреть, как пробуждается земля и в заливных лугах слушать весенние песни птиц.

27.08. 18.

Петух клюнул в нос

Ранним утром, выскочив на крыльцо, маленький мальчик аж прижмурился от желтого и яркого света солнечного круга, который поднялся над ближним лесом. Деревенский дом стоял на краю деревни среди густого леса. Сразу за огородами этот лес на многие километры тянулся на восток! И сразу за огородами высокие березки опушки переходили в высокий сосновый бор.

Во дворе, кудахча, важно похаживал петух, охраняя копошащихся у плетня курочек: они разрывали землю с негустой травкой, разыскивая червячков.

Мальчик протер прослезившиеся глаза и взглянул в солнечное утро с ясным голубым небом и легким шумом леса, доносившемся сбоку от двора.

За невысоким плетнем был садик и огородик с тремя грядками огурцов и двумя грядками помидоров. Грядки поливала бабушка. Плетень – этот, маленький заборчик во дворе, бабушка изготовила недавно вместе с мальчиком, и теперь он красиво выделялся, приятно радуя глаз.

Мальчик вспомнил, как они вместе ходили на овраги, далеко за деревней, которые весной заливало водой. Летом овраги просыхали, оставляя небольшие бочажки-болотца с водой, по берегам которых росли многочисленные ивовые кусты: ивы-тальника. Бабушка нарубила ветки ивы, а мальчик складывал их в двухколесную большую тележку. Ветки, мальчик очищал от листьев и складывал только длинные прутки. Эти прутья они привозили во двор, где уже стоял каркас из столбиков и поперечных брусьев. Потом они, вместе с бабушкой просовывали прутья между брусьев, и строился плетень! Все это было забавно, ново и весело! Длинные концы прутьев торчали поначалу вверх, и ниже и выше, как нестриженные волосы на голове мальчика, какие он видел в зеркале по утрам: взъерошенные. А когда бабушка подрезала торчащие прутья ровно – плетень стал выглядеть красиво.

С высокого крыльца (а в детстве все кажется большим: когда деревья были большими – фильм такой есть) весь двор был виден мальчику. И все казалось прекрасным и плетень и бабушка с лейкой в садике; и курочки пестрые у плетня. И важный и красивый петух: желтый воротник, белые перья и цветные, красные и черные перья большого хвоста очень привлекли внимание мальчика. А главное, – большой и красный гребень на его голове колыхался очень интересно, когда, покудахтав, петух вскидывал свою голову! И мальчику захотелось посмотреть ближе на эту природную красоту, потрогать.... Он быстро спустился по трем широким ступенькам крыльца и весело подбежал к стайке курочек с петухом. Но тут неожиданность: петух не испугался, как сделали это курицы, врассыпную бросившиеся наутек. Петух, вдруг, громко заклохтал, закричал и подпрыгнул вверх. Он захлопал крыльями и налетел на мальчика, клюнув его прямо в кончик носа. Отлетев назад, петух и в очередной раз изготовился напасть, но мальчик побежал, и слезы брызнули из его глаз. Он громко заплакал и закричал своим тонким голосом: «Бабушка-а-а!». Из-за слез мальчик не видел направления куда бежал, и не смотрел под ноги. Он пробежал вдоль плетня к калитке в сад, у которой стояли грабли, оставленные бабушкой. Петух тоже кудахтал довольно громко, погнавшись вслед за мальчиком. И в этой суматохе мальчик наступил на грабли: палка от граблей ударила мальчика по голове сбоку, и мальчик упал в слезах и плаче взывая к бабушке. А бабушка уже бежала, бросив свою лейку между грядок. «Сашенька, Сашенька!..» – и видит картину: её Сашенька валяется на траве, на нем лежат грабли и на эти грабли взгромоздился петух, готовый клевать «поверженного врага». «Кыш-кыш, противный, что ты тут наделал!» – бабушка подняла Сашеньку, отряхнула ему рубашечку и стала успокаивать. А петух и не собирался отступать! – он немного отлетел в сторонку и уже изготавливался напасть и на бабушку. Но подняла бабушка упавшие грабли

и пригрозила ими смелому петуху. Тут он уже, наверное, испугавшись, бегом побежал в другой угол двора ко хлеву и сараю.

Так у Саши появилась царапина на носу и большая шишка сбоку лба.

Но утро солнечное, звавшее на улицу, вдруг, тоже помрачнело. Мальчику намазали нос зеленкой и заклеили ободранное место бумажкой. Шишка на лбу тоже была покрыта зеленкой и сверкала в окне, у которого сидел мальчик, глядя во двор, как бабушка ходит по своим делам – то в хлев, то в сарай, под навес. Бабушка ходила около тех же курочек, и петух крутился рядом с ней и даже не думал нападать на нее. «Почему он меня не любит» – думал мальчик, все еще побаиваясь этого «злобного зверя». За окном погода портилась, может, почувствовала обиду мальчика, которая заронила в его душу. Он плакал недолго, после того как бабушка привела его домой. Но усевшись у окна, сурово надув губы, – он «обижался», и на весь мир эта обида распространялась.

Солнце, вдруг, скрылось за тучей, и тучи все больше и больше закрывали голубое небо. Они шли с Востока и вскоре принесли дождь. Во дворе все стало тусклым и темным, как вечером – трава выделялась темными пятнами, уже не казалась зеленой. Под быстро усиливающимся дождем пробежала и бабушка из хлева к крыльцу с ведром. Она подоила корову. А дождь зарядил так сильно, что за его струями, закрывшими пеленой весь вид за окном, не видно было огорода, потом, даже плетень можно было с трудом угадать за струями дождя: начался настоящий ливень! Мальчик даже чему-то обрадовался: «так и надо! Пусть! Так и надо!» – думал маленький мальчик, еще не понимая, кому и за что он мстит. Но он знал, что природа его услышала и отомстила за его обиду, – что он не погулял во дворе сегодня из-за случая с петухом, за то, что ему было больно и обидно...

А природа, словно действительно в отместку кому-нибудь, зарядила продолжительным проливным дождем до самого вечера.

Когда мальчик с бабушкой попили чаю с печеньем перед сном, – на улице все еще шумели струи дождя. И когда мальчик уже укладывался спать, все еще шел дождь, шум его слышен был за окном, под которым стояла кровать мальчика. Под этот шелест дождевых струй мальчик и уснул. Проснулся мальчик тоже от шума воды за окном, – дождь не прекратился. Проливной ливень продолжался. Выглянув в окно, мальчик увидел, что по двору бежала вода – будто целая река текла по двору под ворота на улицу. Он быстро вскочил и перебежал к другому окну, выходящему на улицу: и там он увидел потоки воды. Вода лилась огромной рекой по широкой улице от дома к дому, а струи ливневого дождя все добавляли и лили воду с небес! (Такой ливень продолжался три дня в 1967 году, но нигде в СМИ не упомянут, поэтому не могу сослаться, чтобы подтвердить факт). Три дня мальчик не мог выйти из дома, три дня лил дождь с Неба огромными потоками. Многие дома в селе затопило, – те, что стояли ближе к реке. Это ужасно. Невольно подумалось о Всемирном потопе, про потоп они с бабушкой читали в Библии. И бабушка говорила ему и читала, а мальчик переживал это событие истории, почти видимым образом, ощущал в душе, что всё так и было. Был Ной, которому Бог предупредил, и был ливень, и вода лилась с Небес.

По улице текла уже глубокая река, мальчик мог это видеть наглядно – вода лилась ото всюду, их двор был затоплен, и они сидели запертые в доме с бабушкой, как Ной в том Ковчеге....

Потом дождь кончился. Но впечатления от него остались в душе мальчика надолго. И уже никто не мог его разубедить, что Потопа не было. Что История Библейская – это миф! Вера Святому Писанию запала в подсознание мальчика в том раннем детстве! И в школе, как бы

не учили они по биологии теорию Дарвина и эволюцию, мальчик знал и верил, что есть Бог и мир весь: и траву, и животных, и человека сотворил Бог!

Сама природа дала эту веру мальчику, своим совпадением событий.

Дополнения от автора.

В 6 лет мальчик выучил наизусть молитву «Отче наш...», и под прочтение бабушки он знал все события истории из Священного писания. В школе его не приняли в «октябрята» даже, потому что он всегда молился и ходил с бабушкой в Церковь по воскресеньям... Потом молитвы свои он скрывал от ребят, но его не приняли и в «пионеры» и был он в школе некоторым «изгоем». У него были другие интересы, читал он другие книжки – жития святых и прочие религиозные. Хотя учился в школе вроде неплохо, но Вера в Бога таилась в его душе...

Конец.

Воспоминания (о рыбалке в детстве)

А как было в детстве радостно собираться в поход с отцом на рыбалку. С вечера мы укладывали рюкзаки. Разбирали снасти, удочки тогда были бамбуковые и леска, намотанная на крючки, портилась, – приходилось её менять, а значит, всю снасть переделывать: просовывать ниппель-держатель для поплавка, крепить грузило и привязывать крючки.

Ехали мы на поезде. Поезд уходил ночью, в 1 час. Приезжали мы утром рано, еще до рассвета. И шли мы в сумраке по лесу. Солнце восходящее мы не видели, светлело в лесу медленно, а идти было долго 6 километров. Выходили на берег быстрой реки, когда солнце уже вовсю освещало желтый песок на пляже перед перекатом.

Выбирая место для рыбалки, мы еще немного шли по берегу реки, заваленному упавшими бревнами. И когда, наконец, у очередного омутка мы останавливались, бросали рюкзаки и спешили с удочками к реке, сама природа настораживалась все затихало, казалось, начинался процесс рыбалки!

Звуки природы, конечно, были. Река шелестела струями воды, натываясь на коряги упавшие и образуя ямы за ними. Птицы пролетали над водой, пропищав, или стрекотала сорока на другом берегу.

Но все уже не имело значения и на все звуки внимание мое не отвлекалось. Я занят был удочкой, потом насадкой, потом измерением глубины, регулируя поплавок на снасти. И когда уже закинул удочку – внимание было только на воде и на поплавке, в ожидании поклевки! Рыбалка, говорят, это страсть! И да, еще какая страсть, оказывается, в детстве это ощущение сильное и особенно страстное! Природу начинаешь замечать в процессе! Всё взаимосвязано воспринимаешь! Я видел синюю птицу! Она прилетела и села на корягу, торчащую из воды напротив меня в нескольких метрах. Она посидела чуть-чуть и улетела, но принесла мне удачу: я поймал крупного окуня и начался клев. Рыба попадалась одна за одной! И я понимал так, что все не случайно.

Песчаный берег реки всякий раз менялся. Там, где мы были в прошлом году, река стала широкой, обрушился в воду лес. Но в этих упавших в воду деревьях скапливались косяки рыбы. Они находили там корм. А песок под корягами быстро размывался водоворотами воды и под ними образовывались ямы глубокие, где и скапливалась рыба. Только вечером мы находили место для ночлега и раскладывали лагерь. Ставили палатку, разводили костер, варили уху и чай. Чай из свежих смородиновых листочков с цветами. Этот аромат не забудешь никогда. Аромат дымка сосновых веток и запах смородиновых листочков! В вечернем небе, в светлую лунную ночь, особенно прекрасно было звездное небо! Звезды были яркие, и млечный путь виден был как туман через все небо. Я лежал у потрескивающего костра и отдыхал после бурного дня, наполненного приключениями. Вспоминались ящерицы, во множестве бегавшие по корягам на берегу. На той стороне реки на берег выходила лисица, понюхала песок и, посмотрев на меня, убежала обратно в лес. Птицы все время улаживали слух своим пением: садилась маленькая птичка с красным животиком на ветку и ну, давай выводить свои веселые трели. Меня они не особенно замечали, так как я замирал, держа уже рукой за удище, воткнутое в песок, когда поклевка началась. Я выжидал очередную рыбу, которая уже должна была утопить поплавок, который начал колебаться на воде. Рыбалка – это страсть! И страсть, думается мне, хорошая!

Лежа на песке у костра я так и засыпал под эти переживания дня. И сон тот был благодатный! Песок мы нагревали костром, потом передвинув костер в сторону, стелили на горячий песок ветки лапника, собранного заранее. Так отец лечил ревматизм свой, который доставал его в старости. А мне, юному пацану, всё нипочем.

Мы поехали в выходные дни, и у нас была суббота и воскресенье полдня. На другой день я пошел «искать рыбу». Я за день прошел по берегу в обе стороны и посетил старицу, где видел диких уток с выводком утят. Там, на старице, по верху плавали крупные и красивые рыбы: красноперки. Пытался я их ловить на свою удочку. Но они видели меня и видели мою удочку и уплывали, не желая клевать, ловиться! Но, вдруг, я обнаружил ручеек, соединяющий старицу с основным руслом реки и в его течении, в небольших ямках, плескаясь, плыли те же красноперки. Руками я их выкидывал на берег, тех, кого успел застать в мелком этом ручье. Тогда я поймал штук 5 довольно крупных рыб-красноперок! На обратном пути к нашей стоянке, в лесу, я видел зайца, который почему-то выскочил из леса на крутой берег реки. Увидав меня, услышав, он без оглядки кинулся обратно в лес. А сколько ягоды было в прибрежном березняке. На полянках, среди берез, я нашел много земляники. В болотистых и низких местах там росла и черника. Набирал я ягоды в горсть и отправлял в рот, наевшись, с пойманной рыбой пришел я к нашему стану. А тут отец удивил меня своим уловом: он поймал с утра 4 огромных леща, круглых как сковородка. Всю рыбу мы пересыпали солью и сложили в толстые целлофановые пакеты. Привязав веревкой, все пакеты с рыбой мы закопали глубоко в песок у самой воды. Так они сохраняются дольше. У воды песок был холодный, и это служило нам холодильником!

Рыбалка шла своим ходом. Я пристроился на яме перед самым перекатом. И в очередной раз мне повезло. Попался лещ. Но на крутой берег я побоялся его тащить. И пошел я вдоль берега к пляжу к мелководью. Лещ, между тем, утомился борьбой, и выплыв на поверхность лег плашмя на воду и плыл туда, куда я его тянул. Вступив на песок пляжа, я поскользнулся, и чуть не выпустил из рук удилища. Что-то попало мне под ноги, под гладкие кеды. Леща я вытянул на берег, все-таки, и, оставив его лежать на песке, пошел посмотреть: что же там заставило меня поскользнуться. Я увидел часы, они лежали стеклом вверх, вот я и поскользнулся об стекло! Часы с желтым корпусом, возможно позолоченным, я побежал показать отцу. Как потом выяснилось, это действительно были позолоченные часы и рабочие, не сломанные. Их я носил потом в школу и вообще, всем хвалился, что их принесла мне «Синяя птица», которую я видел на рыбалке.

По дороге домой мы встретили в лесу лося, с большими рогами он вышел нам навстречу по дороге из-за поворота. Но уступил нам путь и отошел в сторону. Далеко он не ушел. Только мы прошли, лось вновь вышел на дорогу и, повернув голову, смотрел нам вслед, пока мы не скрылись!

Надо сказать о том месте, куда мы ездили рыбачить с отцом. Это место почти заповедник. И действительно, рядом с заповедником есть лесопитомник. Там выращивают деревья. Срубают в лесу делянки и сажают там маленькие сосны, ели, и лиственные породы деревьев! Лесопитомник отгорожен от дороги забором из арматуры сваренным. Так что пройти туда запросто нельзя! Но в заборе погнута арматура и проделаны дыры, через которые и проходят желающие! Территория лесопитомника большая в несколько гектаров вдоль реки. Вот и получается, что мало там бывает туристов и отдыхающих. Так что мусора и там нет, и природа остается нетронутой. Река же течет по границе лесопитомника и иногда на той стороне бывают рыбаки и отдыхающие, которые приезжают на машинах. Но отцу не нравилась суeta и шум туристов, и он выбрал отдых в тишине, на лоне природы. В заповеднике, конечно, нельзя многое, но рыбачить на реке не запрещали. Можно было попасть на территорию заповедника, переплыв реку. Природа к людям ближе и люди добрые становятся ближе к природе.

Конец.

О Природе и не только

Вступление.

Цитата: «Встречаются такие люди в городских наших джунглях, среди пыли асфальта и бетона, которая им привычнее. Их любовь к природе внешняя, наглядная, они любят картинки, и то ненадолго; рассматривая картинки, они уже думают о своих пошлых делишках и спешат домой, в свой грязный омут, в пыльную, душную атмосферу города, на свои балконы, подышать вечерними испарениями мостовой, раскаленной дневным солнцем...».

Кажется, что человеку уже некуда развиваться. Но эволюция, открытая при Дарвине, не окончилась, а продолжается.

Возникает шестое чувство у человека. Оно не просто количественно добавляется к пяти остальным чувствам, – оно качественно обособлено и располагается над ними. Наше желание наслаждений улавливает материальную реальность через пять способов восприятия, соответствующих пяти органам чувств. Шестое чувство также включает в себя разнообразные виды восприятия, ощущения. Это есть переход от тьмы к свету: от чувства опустошенности и страха, от мук и страданий – к изобилию, уверенности, покою, вечному совершенству мира.

Особенно свойственно человеку возвращаться к древним своим чувствам, подсознательно сохранившимся, хотя и заглушенным развитием техники.

Чувство природы врожденно нам, от грубого дикаря до самого образованного человека. Противоестественное воспитание, насильственные понятия, ложное направление, ложная жизнь – все это вместе стремится заглушить мощный голос природы и часто заглушает или дает искаженное развитие этому чувству.

Конечно, не найдется почти ни одного человека, который был бы совершенно равнодушен к так называемым красотам природы, то есть: к прекрасному местоположению, живописному далекому виду, великолепному восходу или закату солнца, к светлой лунной ночи. Но это еще не любовь к природе; это любовь к ландшафту, к декорациям, к призматическим преломлениям света.

Это могут любить люди самые черствые, сухие, в которых никогда не зарождалось или совсем заглохло поэтическое чувство: зато их любовь этим и заканчивается. Приведите их в таинственную прохладу дремучего леса, на равнину необозримой степи, покрытой тучной высокой травой; поставьте их в тихую летнюю ночь на берег реки, сверкающей в тишине ночного мрака, или на берег лесного сонного озера, обросшего камышами. Окружите их благоуханием цветов и трав, прохладным дыханием вод и лесов, голосами ночных птиц и насекомых, всей жизнью природного творения: для них тут не будет красот, они ничего не поймут!!!

Вот в этом описании видится отражение сегодняшнего времени. Однако, это написано было еще в 19-ом веке, аж в 1847 году. Надо же! Нисколько не изменилось время, или стало даже хуже, чем было тогда. Увеличилось население, разрослись города, природа потеряла былую привлекательность, загрязнена окончательно. Но все-таки есть еще романтики и в наше сложное время: это большой отряд рыболовов любителей, которые еще любят природу естественной привязанностью первобытного человека. Они пишут в газеты своих объединений рассказы о своих рыбацких похождениях, не менее талантливо, как и пионеры 19-го века Аксаков, Паустовский и другие. Так Аксаков в 1847 опубликовал «Записки об ужении рыбы», но они в большинстве своем совсем не о рыбной ловле повествовали, а приближали человека к настоящему чувству природы. Он даже писал подстраховку, чтобы не быть осужденным от рыбацкого сословия:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.